

**Игорь Эдуардович
ЗВЕЧАРОВСКИЙ,**

заведующий кафедрой
уголовного права

Университета имени

О.Е. Кутафина (МГЮА),

доктор юридических наук,
профессор

iezvecharovskij@msal.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Альтернативы реальному лишению свободы как виду уголовного наказания¹

Аннотация. Рассматриваются альтернативы уголовному наказанию в виде реального лишения свободы в России. На основе официальных данных открытой судебной статистики анализируется практика применения отдельных мер уголовно-правового характера, делается вывод об отсутствии в отечественном уголовном законодательстве реальных альтернатив этому виду наказания. С учетом количественных и качественных показателей, характеризующих осужденных, актуализируется положение об ограниченных возможностях уголовного закона и практики его применения в существенном снижении числа реально лишаемых свободы. Сделан вывод, что бить тревогу по поводу количественных показателей реально лишаемых свободы нужно будет лишь тогда, когда эта мера уголовно-правового характера будет, во-первых, назначаться качественно иному, чем сегодня, контингенту лиц, совершивших преступление, а во-вторых, когда она будет исполняться в иных, чем сегодня, условиях. С этой точки зрения сокращение количества осуждаемых к лишению свободы в современных условиях видится нам только в одном случае: за счет лиц, осуждаемых за совершение впервые преступлений небольшой тяжести. Количество таких лиц весьма незначительно.

Ключевые слова: уголовное наказание, виды уголовного наказания, реальное лишение свободы, альтернативы, осужденные, количественные и качественные показатели.

DOI: 10.17803/2311-5998.2022.98.10.020-027

IGOR E. ZVECHAROVSKY,

Head of the Department of Criminal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Dr. Sci. (Law), Professor

iezvecharovskij@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Alternatives to Real Imprisonment as a Kind Criminal Punishment

Abstract. Alternatives to criminal punishment in the form of real imprisonment in Russia are considered. On the basis of official data of open judicial statistics, the practice of applying certain measures of a criminal nature is analyzed, the conclusion is made that there are no real alternatives to this type of punishment in the domestic criminal legislation. Taking into account

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

the quantitative and qualitative indicators characterizing convicts, the provision on the limited possibilities of the criminal law and the practice of its application in significantly reducing the number of actually deprived of liberty is updated. It is concluded that it is necessary to sound the alarm about the quantitative indicators of those actually deprived of liberty, but only when this measure of a criminal nature will, firstly, be assigned to a qualitatively different contingent of persons who have committed a crime than today, and, secondly, be executed in conditions other than today. From this point of view, we see a reduction in the number of people sentenced to imprisonment in modern conditions only in one case: at the expense of persons convicted of committing minor crimes for the first time. The number of such persons is very small.

Keywords: criminal punishment, types of criminal punishment, actual imprisonment, alternatives, convicts, quantitative and qualitative indicators.

Наказание в виде лишения свободы в современных условиях считается самым суровым видом уголовного наказания, учитывая при этом, что наказание в виде смертной казни, предусмотренное в уголовном законе, не применяется на протяжении уже более 20 лет². Общеизвестны «за» и «против» применения данного вида наказания, равно как и попытки найти альтернативные ему меры, а точнее — меры по снижению количества лиц, к нему осуждаемых. Не остается в стороне от этого вопроса и отечественный законодатель. По нашим подсчетам, по состоянию на 1 июня 2022 г. из 974 санкций статей (частей статей) Особенной части УК РФ 596 — содержат альтернативу наказанию в виде лишения свободы (около 61 %) и только 280 — предусматривают лишение свободы без какой-либо альтернативы (около 29 %); не предусматривают наказания в виде лишения свободы 98 санкций (около 10 %).

В статье 44 УК РФ лишению свободы в двух своих разновидностях (на определенный срок и пожизненному) противостоят десять действующих видов уголовного наказания, которые могут применяться в качестве основного, т.е. в качестве реальной альтернативы лишению свободы, и вопрос лишь в том, предусмотрена ли такая возможность в санкции статьи (части статьи) Особенной части УК РФ. С исключениями, связанными с уголовной ответственностью, в основном за тяжкие и особо тяжкие преступления, данный вид наказания всегда имеет альтернативу в качестве иного вида уголовного наказания в санкциях статей (частей статей) Особенной части УК РФ. И это при том, что лишение свободы фигурирует в качестве основного обязательного или альтернативного наказания в подавляющем числе санкций статей Особенной части УК РФ (90 %).

В целях обеспечения реальности альтернативы лишению свободы законодатель предусматривает даже специальные виды уголовного

² Только по этой причине лишение свободы как вид основного наказания можно считать крайним и при этом только уголовно-правовым, а не вообще правовым последствием преступления. Без названных оговорок суждения о крайности лишения свободы представляются неверными. См., например: *Королева Е. В.* Лишение свободы в аспекте достижения целей наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 17.

наказания — принудительные работы (ст. 53.1 УК РФ) и арест (ст. 54 УК РФ). При этом в первом случае эта альтернативность возводится законодателем в ранг основной характеристики вида наказания: «Принудительные работы применяются как альтернатива лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса, за совершение преступления небольшой или средней тяжести либо за совершение тяжкого преступления впервые» (ч. 1 ст. 53 УК РФ).

Таким образом, лишение свободы здесь безальтернативно только за особо тяжкие преступления³, правда, и в этом случае закон не знает препятствий для назначения более мягкого вида наказания в соответствии со ст. 64 УК РФ.

Наконец, и на правоприменительном уровне предпринимаются попытки обратить внимание на исключительный характер наказания в виде лишения свободы. Так, Пленум Верховного Суда РФ разъясняет: «В случае, если в санкции статьи, наряду с лишением свободы, предусмотрены другие виды наказаний, решение суда о назначении лишения свободы должно быть мотивировано в приговоре»⁴. Заметим, однако, что мотивированным в приговоре должно быть наказание и любого иного вида (п. 4 ст. 307 УПК РФ).

Насколько действенны названные выше меры в обеспечении исключительности наказания в виде лишения свободы? Отвечая на этот вопрос, уместно прежде всего обратиться к данным судебной статистики, призванной отражать роль отдельных видов уголовного наказания в определенный промежуток времени. Здесь нас ждет первое разочарование: несмотря на обширность и разнообразность названных выше альтернатив реальному лишению свободы, удельный вес последнего среди мер уголовно-правового характера, применяемых при постановлении обвинительного приговора суда, высок и стабилен на протяжении уже около 30 лет и составляет около одной трети (30—35 %). В период 2000—2021 гг. минимальный показатель осужденных к реальному лишению свободы пришелся на 2000 г. (28,0 %), а максимальный — на 2005 г. (35,1 %). Отметим, что в советский период удельный вес лишения свободы был еще выше, достигнув, например, в 1980 г. 56 %.

При оценке роли лишения свободы в системе мер уголовно-правового характера, применяемых при постановлении обвинительного приговора суда, следует помнить и о том, что примерно одна треть от их числа приходится также на лишение свободы, но с условным его неприменением (условное осуждение — ст. 73 УК РФ). Например, по итогам 2021 г. при удельном весе реального лишения

³ По итогам 2021 г. удельный вес особо тяжких преступлений в числе выявленных в России преступлений составил 5,7 % (5,4 % — в 2020 г., 4,4 % — в 2015 г., 4,5 % — в 2010 г.), а удельный вес лиц, осужденных за такие преступления, — 5,4 % (4,9 % — в 2020 г., 5,7 % — в 2015 г., 6,0 % — в 2010 г.) (см.: Состояние преступности в России за январь — декабрь 2021, 2020, 2015, 2010 гг. М. : ФКУ ГИАЦ МВД РФ ; Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания // Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2021, 2020, 2015, 2010 гг. // cdep.ru).

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». П. 26 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2 ; 2019. № 2.

свободы в 28,1 % на долю условного осуждения к этому же виду наказания пришлось 28,0 % осужденных.

В этой связи можно сделать вывод о том, что более половины осужденных заслуживают наказания в виде лишения свободы, а попытка его реального неисполнения — это вопрос целесообразности, к сожалению, далеко не всегда оправданной, как показывает практика. Так, например, по итогам 2020 г. удельный вес условно осужденных к лишению свободы составил 27,8 % от общего числа осужденных.

Однако в этом же году в отношении более чем половины условно осужденных (52 %) судами было удовлетворено представление о продлении испытательного срока условного осуждения либо о его отмене по основаниям, предусмотренным в ч. 2, 2.1, 3, 4 ст. 74 УК РФ. По итогам 2021 г. этот показатель стал еще более высоким и составил 61,6 %. Показателен и тот факт, что среди условно осужденных около 40 % имеют неснятые или непогашенные судимости.

Одной из серьезных мер, направленных на обеспечение исключительности наказания в виде лишения свободы в рамках УК РФ выступает альтернативность большинства санкций в статьях (частях статей) Особенной части УК РФ. Однако такого рода альтернативность сама по себе — тема отдельного разговора.

С одной стороны, суд имеет примеры санкций статей (частей статей) Особенной части УК РФ, в которых отражаются и нижняя, и верхняя границы так называемой «лестницы наказаний» из ст. 44 УК РФ: от самого мягкого до самого строгого вида уголовного наказания (например, ст. 241, 242, 247, 261, 280 УК РФ). С другой — при наличии в законе такой альтернативности она порой реально не осуществима, поскольку альтернативные лишению свободы виды наказания не применимы в силу ограничений, установленных этим же самым уголовным законом (предусмотренных, например, в ч. 3 ст. 46, ч. 4 ст. 49, ч. 5 ст. 50, ч. 6 ст. 53, ч. 7 ст. 53.1 УК РФ).

В результате — суд просто лишен возможности назначить альтернативное лишению свободы наказание. Например, с учетом ограничений, предусмотренных для назначения наказания в виде ограничения свободы (ч. 6 ст. 53 УК РФ), и отсутствия возможности «напрямую» назначать наказание в виде принудительных работ (ч. 2 ст. 53.1 УК РФ), суд вынужден по ч. 1 ст. 107 УК РФ определенным категориям лиц назначать наказание только в виде лишения свободы.

Примером другого рода может служить санкция ч. 1 ст. 283 УК РФ, в которой в качестве альтернативы лишения свободы предусмотрено наказание в виде ареста, не применяемого с момента введения в действие УК РФ 1996 г. Следует также иметь в виду, что в тех случаях, когда в качестве альтернативы лишению свободы в санкции предусмотрено наказание в виде принудительных работ, об альтернативности говорить вряд ли приходится, так как суд, следуя правилам ч. 2 ст. 53.1 УК РФ, сначала должен в любом случае назначить наказание в виде лишения свободы, а потом может заменить его на принудительные работы.

Предусмотренные в УК РФ альтернативы лишению свободы в виде двух самостоятельных видов уголовного наказания бездействуют до настоящего времени: наказание в виде ареста так и не введено в действие, наказание в виде принудительных работ, введенное в УК РФ в 2011 г., а в действие — с 1 января 2017 г., так и не стало альтернативой лишению свободы ни на стадии постановления

обвинительного приговора суда (ч. 1, 2 ст. 53.1 УК РФ), ни в процессе исполнения отдельных видов уголовного наказания при их замене на более строгий вид (ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 5 ст. 53, ч. 6 ст. 53.1 УК РФ).

За период 2017—2021 гг. к принудительным работам осуждено по годам: 587 лиц при общем количестве осужденных 724 702 в 2017 г. (из них к реальному лишению свободы — 200 225⁵); в 2018 г., соответственно, 1 038, 681 933 (190 325); в 2019 г. — 1 462, 620 058 (175 122); в 2020 г. — 992, 562 963 (149 681), в 2021 г. эти показатели составили, соответственно, 1 197, 565 317 (158 853)⁶.

Сомнительность принудительных работ как реальной альтернативы лишению свободы, как это ни парадоксально, заложена в самом законе, поскольку они могут быть назначены лишь тогда, когда, во-первых, данный вид наказания, наряду с лишением свободы, прямо предусмотрен санкциями соответствующих статей Особенной части УК РФ, а во-вторых, если до этого назначено наказание в виде лишения свободы (п. 22.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 в ред. от 18.12.2018).

В такой форме отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ, как Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008—2020 годы, принудительные работы даже не выделяются в качестве самостоятельного вида уголовного наказания среди других видов. К сказанному следует добавить, что начиная с 2020 г. количество осужденных к наказанию в виде принудительных работ стало заметно уступать количеству осужденных, в отношении которых судами было удовлетворено ходатайство о замене этого вида наказания более строгим видом — лишением свободы. Если еще в 2019 г. эти показатели составляли 1 462 и 1 366, соответственно, то в 2020 г. они были равны 992 и 1 498, а по итогам 2021 г. и того более — 1 313 и 1 988.

Стремление законодателя создать условия для обеспечения альтернативности лишения свободы достаточно зримо наблюдается в наличии в УК РФ пяти видов уголовного наказания, не связанных с изоляцией от общества, допускающих их замену в процессе исполнения на более строгий вид наказания (ст. 46, 49, 50, 53, 53.1). На долю осужденных к этим видам наказания в последние годы приходится около 40 %. Что, однако, обращает на себя внимание? Назначение данных видов наказания в качестве основного наказания в связи с их неисполнением по различным причинам нередко завершается применением наказания в виде реального лишения свободы.

Например, по итогам 2021 г. такая замена состоялась в отношении 17,4 % осужденных к этим видам наказаний (были удовлетворены ходатайства о замене изначально назначенного судом наказания более строгим видом, в качестве которого выступило реальное лишение свободы)⁷. Если же при этом не учитывать весьма незначительное количество случаев замены штрафа лишением

⁵ Без учета осужденных к пожизненному лишению свободы.

⁶ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции (разд. 1, 3) // URL: www.cdep.ru. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017—2021 годы.

⁷ На основе данных разделов 3 и 4 Отчета о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2021 г. (URL: www.cdep.ru).

свободы (89), то значение рассматриваемого показателя будет уже другим и составит 22 %.

При этом особого внимания заслуживает практика исполнения исправительных работ, при которой приблизительно для 40 % осужденных данный вид наказания заменяется реальным лишением свободы, а тем более практика исполнения принудительных работ с показателем их замены лишением свободы, значительно превышающим показатель назначения этого вида наказания (1 988 и 1 313, соответственно)⁸.

В оценке исполнимости отдельных видов уголовного наказания следует признать, что реальное лишение свободы по этому показателю характеризуется только положительно, и ответ о причинах такого положения дел лежит на поверхности: регламентация данного вида наказания не предусматривает замену его в процессе исполнения на более строгий вид. Реальное лишение свободы, в отличие от видов уголовного наказания, предусмотренных в ст. 46, 49, 50, 53, 53.1 УК РФ, обречено на исполнение и фактически, и, что не менее важно, юридически, потому что предусмотренные уголовным законом формы уклонения от его отбывания⁹ — побег из мест лишения свободы и уклонение от его отбывания — представляют собой самостоятельные преступления (ст. 313, ч. 2 ст. 314 УК РФ)¹⁰. Принципиально важно и то, что при такой регламентации наказание в виде лишения свободы, не исполненное до момента совершения названных преступлений, сохраняется и учитывается при назначении наказания за эти новые преступления (ст. 70 УК РФ).

Вместе с тем, отмечая высокую степень исполнимости реального лишения свободы и оценивая существующие альтернативы этому виду уголовного наказания, уместно посмотреть на то, к кому применяется этот вид уголовного наказания в современных условиях.

Согласно официальным данным открытой статистики, среди лиц, осужденных к реальному лишению свободы в 2021 г., доминирует возрастная категория от 30 до 49 лет, на долю которой приходится 58,7 %. В целом же осужденные в возрасте от 25 до 49 лет составляют 75,4 %, т.е. в большинстве своем осужденные к реальному лишению свободы — это социально зрелая часть населения, умышленно преступившая черту уголовного закона (98 %), которая если и нуждается в исправлении, как считает законодатель (ч. 2 ст. 43 УК РФ), то вряд ли реально исправима посредством уголовного закона и наказания в том числе.

К этому следует добавить и показатель достаточно высокого образовательного уровня реально лишенных свободы: чуть менее половины осужденных к

⁸ Данные из указанного Отчета за 2021 г.

⁹ Уголовно-исполнительные аспекты уклонения от отбывания лишения свободы (ст. 115—117 УИК РФ) в данном случае оставляем без внимания.

¹⁰ Косвенным показателем исполнимости лишения свободы выступает и тот факт, что количество осужденных по ст. 313 и ч. 2 ст. 314 УК РФ невелико и достаточно стабильно: по итогам 2021 г. по этим статьям было осуждено 123 и 18 лиц, соответственно; в 2018 г. — 104 и 32; в 2015 г. — 154 и 32; в 2012 г. — 199 и 22 (Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 2012—2021 гг. // URL: www.cdep.ru).

этому виду наказания (43,8 %) имели на момент осуждения среднее профессиональное (37,3 %) и высшее образование; на долю лиц с основным общим, начальным образованием и без образования приходилось «всего-то» около 20 % осужденных. Обратим внимание и на такое обстоятельство: 72,6 % осужденных к реальному лишению свободы являлись трудоспособными, но без постоянного источника дохода.

Так уголовно-правовую ли проблему мы обсуждаем, когда пытаемся предусмотреть в уголовном законе альтернативы реальному лишению свободы?

В завершение еще одна важная характеристика. По итогам 2021 г. 71,2 % осужденных к реальному лишению свободы имели неснятые или непогашенные судимости. Для сравнения отметим, что по итогам 2018 г. этот показатель составлял 67,2 %, а 2015 г. — 62,6 %. Среди имевших неснятую или непогашенную судимость в 2021 г. 25,5 % имели две, а 33 % — три и более таких судимостей. Примечателен тот факт, что среди осужденных, имевших неснятые и непогашенные судимости в 2021 г., больше половины (66 %) имели такие судимости не за тяжкие и особо тяжкие преступления, а за преступления небольшой и средней тяжести. Около 33 % реально лишенных свободы совершили преступление при рецидиве¹¹.

Какие выводы можно сделать из сказанного выше?

Понимая под альтернативой в данном случае наличие выбора одной из двух или более исключающих друг друга возможностей, а также каждой из этих возможностей, следует признать, что в действующем уголовном законодательстве России отсутствует реальная альтернатива наказанию в виде лишения свободы. Из всех неиспользованных современной отечественной практикой средств в этом направлении остался, пожалуй, только арест как вид уголовного наказания. Однако насколько состоятельны ожидания от применения этого вида наказания, если около 50—60 % от общего числа осужденных — это осужденные к лишению свободы (реальному и условному).

При этом лишь у одной пятой реально осуждаемых к лишению свободы срок последнего не превышает одного года. Оправданны ли в такой ситуации будут те затраты на создание условий для исполнения уголовного наказания в виде ареста, источники возмещения которых мы ищем (если ищем) вот уже свыше 20 лет? С этим вопросом можно задать и другой: на какой эффект, не считая уголовно-политических соображений, рассчитана идея внедрения уголовного проступка?

В свете поставленных вопросов весьма актуальны такие данные: среди реально лишенных свободы на срок до одного года включительно 85 % — это лица с неснятыми и непогашенными судимостями, среди лишенных свободы на срок свыше одного года до двух лет включительно этот показатель составляет 78 %, свыше двух до трех лет включительно — 76 %. Как представляется, комментарии излишни.

Приведенные выше характеристики качественного состояния осужденных к лишению свободы приводят к мысли и о том, что в большинстве своем именно на подобный контингент лиц, совершающих преступление, и рассчитано реальное лишение свободы.

¹¹ Данные приводятся из Сводных статистических сведений о состоянии судимости в России за 2021 год (формы № 11, 11.1, 11.2) (URL: www.cdep.ru).

И в этой связи невольно возникают сомнения в обоснованности и целесообразности предложения о кардинальном сокращении количества осужденных к этому виду наказания, предлагаемого Минюстом России¹².

Представляется, что бить тревогу по поводу количественных показателей реально лишаемых свободы нужно, но лишь тогда, когда эта мера уголовно-правового характера будет, во-первых, назначаться качественно иному, чем сегодня, контингенту лиц, совершивших преступление, а во-вторых, она будет исполняться в иных, чем сегодня, условиях.

С этой точки зрения, сокращение количества осуждаемых к лишению свободы в современных условиях видится нам только в одном случае: за счет лиц, осуждаемых за совершение впервые преступлений небольшой тяжести. Количество таких лиц весьма незначительно.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Королева Е. В.* Лишение свободы в аспекте достижения целей наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2003.

¹² Владимир Путин провел рабочую встречу с министром юстиции Константином Чуйченко // URL: minjust.gov.ru (дата обращения: 04.02.2022).